

СЕМЕЙНЫЕ ДИНАСТИИ ПРАВЯЩИХ ПАРТИЙ КАК ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ

© 2024

В. В. Макаренко¹

Обособление Иракского Курдистана от Ирака в 1992 г. привело к возрождению там традиционных отношений, которые сложились не между отдельными гражданами, а между родоплеменными, территориально-конфессиональными и другими социально-территориальными общинами. Политическая система в Иракском Курдистане построена на балансе сил двух крупных социально-территориальных структур (общностей), каждая из которых доминирует в своем субрегионе, но они вынуждены сотрудничать, чтобы поддерживать функционирование региональной системы политической власти. В политической жизни эти социально-территориальные структуры представлены как ведущие политические партии — ДПК и ПСК, но этим определением их характеристика не исчерпывается. Эти партии изнутри пронизаны отношениями родоплеменной и клановой (семейной) солидарности. При этом ни племена, ни семьи формально не наделены ни в Ираке, ни в Иракском Курдистане властью, но они обретают ее за счет того, что на персональном уровне руководящие позиции в признанных политических институтах — в партиях, а через них и в органах законодательной и исполнительной власти — занимают лица, принадлежащие к традиционным структурам (родоплеменным, семейным, религиозным группам). Эти объединения (общности) принципиально отличаются от политических партий современного типа, поскольку предполагают обязательное участие в них определенной части населения. Их существование в корне противоречит представлениям о современных системах стратификации населения, требующих высвобождения индивидуумов из такого рода коллективных уз.

Ключевые слова: Курдистан, племя барзани, семья Барзани, клан Талабани, семья Ахмед-Талабани, родоплеменные структуры, политическая система, политические партии

Для цитирования: Макаренко В. В. Семейные династии правящих партий как фактор государственного строительства в Иракском Курдистане. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 175–183. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-175-183

FAMILY DYNASTIES OF THE RULING PARTIES AS A FACTOR OF STATE-BUILDING IN IRAQI KURDISTAN

Vadim V. Makarenko

The separation of Iraqi Kurdistan from Iraq in 1992 led to the revival of traditional relations there. They developed here not between individual citizens, but between tribal, territorial-confessional and other socio-territorial communities. The political system in Iraqi Kurdistan is built on the balance of forces of two large socio-territorial

¹ Макаренко Вадим Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; makarenko.vadim@yandex.ru

Vadim V. Makarenko, PhD (Econ.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; makarenko.vadim@yandex.ru

structures (communities), each of which dominates its own subregion, but they have to cooperate in order to maintain the functioning of the regional system of political power. In political life, these socio-territorial structures are represented as the leading political parties — the KDP and the UCP, but their characteristics are not limited by this definition. These parties are imbued from the inside with relations of tribal and clan (family) solidarity. At the same time, neither tribes nor families are formally endowed with power either in Iraq or in Iraqi Kurdistan, but they acquire it due to the fact that at the personal level, leading positions in recognized political institutions - in parties, and through them in legislative and executive authorities — are occupied by persons belonging to these traditional structures (tribal, family, religious groups). These associations (communities) are fundamentally different from political parties of the modern type, since they imply the mandatory participation of a certain part of the population in them. Their existence fundamentally contradicts the ideas of modern stratification systems of the population, which require the release of individuals from this kind of collective bonds.

Keywords: Kurdistan, Barzan tribe, Barzani family, Talabani clan, Ahmed-Talabani family, tribal structures, political system, political parties

For citation: Makarenko V. V. Family Dynasties of the Ruling Parties as a Factor of State-building in Iraqi Kurdistan. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 175–183. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-175-183

Введение

В Ираке после революции 1958 г. попытки политических режимов, сменявших друг друга, создать общество, основанное на принципе политического гражданства, отрицающем этноконфессиональный партикуляризм (идентичность), оказались неудачными и привели к авторитарному правлению Саддама Хусейна. Свержение саддамовского режима и провал американской политики политической модернизации Ирака привели к ренессансу социально-территориальных общин, которые при С. Хусейне были подавлены и не могли открыто заявлять свои права на участие во власти. Сейчас в Ираке все еще крайне неэффективная система центральных органов власти и локальные социально-территориальные структуры существуют отдельно друг от друга и часто конфликтуют между собой. Перед страной стоит задача создать политическую систему, которая позволила бы интегрировать ее глубоко разделенное общество. Иракский Курдистан, раньше освободившись от авторитарных пут, уже прошел часть испытаний, которые еще предстоят остальной части Ирака, поэтому опыт его социально-политического развития представляет значительный интерес.

Развитие политической системы Ирака после свержения С. Хусейна

В 2003–2011 гг. после свержения режима Саддама Хусейна Ирак был оккупирован силами коалиции во главе с США. В 2005 г. под давлением США была принята демократическая Конституция Ирака. Она предусматривает разделение властей, политические свободы, регулярные выборы в национальные и местные органы представительной и исполнительной власти. Эти демократические механизмы должны были изменить природу иракского общества, в том числе создать условия для деятельности политических партий, конкуренция которых и предусмотренное конституцией разделение властей должны были исключить доминирование какой-либо одной партии, а тем более появление в стране вновь авторитарного лидера. Однако американцам не удалось произвести революцию в стране — разрушить родоплеменные и конфессиональные связи и добиться того, чтобы для иракцев гражданская принадлежность к стране значила больше, чем их принадлежность к той

или иной этнической (родоплеменной или клановой) или религиозной общине. После 2003 г. благодаря демократической конституции Ирака, где демократия наряду с исламом² рассматривается как фундаментальное условие жизни иракского общества, шиит был снова открыто признан прежде всего шиитом, суннит — суннитом, курд — курдом, и, более того, практически каждый из них является членом своего племени, своего клана (семьи) со всеми вытекающими из этого непреложными обязанностями солидарного поведения. В Ираке с новой полнотой возродилась система общественных отношений, которая столетиями поддерживалась исламом, по конституции (2005) признанным не просто государственной религией страны, а основным источником ее законодательства (ст. 2.1)³. С точки зрения европейских ценностей арабский мир не считается демократическим, поскольку там речь идет не о демократии как отношениях между гражданами, на Ближнем Востоке демократия — это тип равных отношений между социально-территориальными общностями. Этот тип отношений тысячелетиями был присущ обществам Ближнего Востока, являясь причиной того, что эти общества считаются глубоко расколотыми. Демократия социально-территориальных общин созвучна традиционному «антицарскому племенному этосу арабов», который «с самых ранних этапов исламской истории препятствовал формированию иерархизированных систем управления автократического типа» [Алексеев, Сырейщикова, 2009, с. 193].

После 2003 г. в плане «культурной легитимации нормативного порядка общества» [Парсонс, 1998, с. 25] ключевые позиции окончательно перешли к исламу. Ирак оказался в ситуации, которую К. Маркс описал применительно к евреям в Германии: «Это значит, он — *еврей* и остается *евреем* несмотря на то, что он *гражданин государства*, и живет в общечеловеческих условиях: его еврейская и ограниченная сущность всегда, в конце концов, берет верх над его человеческими и политическими обязанностями» [Маркс, 1955, т. 1, с. 384–385]. Но с той разницей, что в Ираке это касается всех этноконфессиональных групп, а внутри них еще более мелких сегментов (племен, кланов, семейств), из которых они состоят.

В отличие от политических партий, которые представляют собой добровольные ассоциации независимых друг от друга граждан, объединившихся в порядке самоорганизации [Парсонс, 1998, с. 38], социально-территориальные общины с их обязательной, идущей из глубины веков родоплеменной или религиозной солидарностью («отношения принадлежности к местному сообществу» [Парсонс, 1998, с. 92]), не являются личным выбором отдельного человека, а участие в них — непреложная норма поведения, которую индивидуум не может отвергнуть. В современных политических условиях Ирака социально-территориальные общины вынуждены добиваться представительства во власти как специфические партии, пронизанные родоплеменными отношениями, или как милицейские (хашд эш-шааби) формирования, связанные изнутри религиозной или территориальной солидарностью (земляков, соседей), или через своих, независимых от партий, депутатов, которые непосредственно представляют социально-территориальные общности, благодаря которым они избраны в парламент. Завязанное на современную систему разделения труда городское население, наоборот, вынуждено поддерживать политические партии, претендующие на то, что

² Статья 2: Первое: Ислам является официальной религией государства и основным источником законодательства:

А. Не может быть принят закон, противоречащий установленным положениям ислама.

В. Не может быть принят закон, противоречащий принципам демократии.

С. Не может быть принят ни один закон, противоречащий правам и основным свободам, закрепленным в настоящей Конституции. Конституция Ирака. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005. www.Constituteproject.org. (дата обращения: 15.03.2024).

³ «Ислам — официальная религия государства; он является основным источником законодательства». В Конституции 1970 года признавалось, что «ислам является государственной религией», — но речь не шла о том, что он является основой законодательства» [Хайруллин, Коротаев, 2017, с. 142].

они представляют общие, универсальные интересы иракского общества. Но там, где работа государственных и муниципальных органов оказывается неудовлетворительной, городское население прибегает к традиционным формам сплочения и создает социально-территориальные общины, одной из форм которых являются милицейские формирования, которые быстро обрастают социальными функциями (яркий пример — это объединения, возникшие вокруг Муктады ас-Садра).

Сложность политического устройства Ирака заключается в том, что множеству составляющих его этноконфессиональных общностей, каждая из которых стремится к максимальной автономии, необходимо выстраивать отношения между собой и с государством, без которого страна не может выступать в качестве полноправного члена регионального или мирового сообщества. Центральное правительство вынуждено найти и провести в жизнь единый принцип организации отношений в обществе. Это — сложная задача. Борьба идет между универсалистским и партикуляристским подходами. От того, на каком основании Ирак построит успешно действующее государство, зависит, в какое государство он превратится. Но до сих пор существует опасность, что процесс государственного строительства либо затянется, либо страна превратится в несостоявшееся государство.

Становление политической системы Иракского Курдистана

На иракском фоне политически порядки, сложившиеся в автономном Иракском Курдистане, не выглядят особенными, они вполне органичны для Ирака. Более того, междоусобная борьба, которая еще только разворачивается в арабской части Ирака, в Иракском Курдистане уже завершилась. Здесь уже есть определенность. В Иракском Курдистане доминируют две ведущие местные (региональные) правящие господствующие группы (ПГГ), сложившиеся на базе традиционных — родоплеменных и семейных — отношений. Ядра этих ПГГ образуют семейства Барзани и Ахмеда — Талабани, обладающие высокой внутренней сплоченностью, которая обеспечивает им прочные позиции в политической системе Иракского Курдистана, а сама система региональной власти обладает устойчивостью, не свойственной политическим системам либерально-демократического типа. Она существует четвертое десятилетие, и нет оснований думать, что в ближайшее десятилетие произойдут серьезные изменения. Элиты Иракского Курдистана не без споров, но в целом согласованно проводят конструктивную политику как внутри региона, так и по отношению к центральным властям и зарубежным соседям. Какой бы справедливой ни казалась критика власти в нынешнем Курдистане, а критиковать есть за что, особенно при сравнении ее с западными либеральными демократиями или преуспевающими монархиями Персидского залива, курды в социально-экономическом и политическом плане развиваются более успешно, чем арабские провинции Ирака. Результат был бы обратным, если бы вместо использования традиционных институтов управления курдские элиты пустились бы в социальные эксперименты по либерализации региональной политической системы, с чего они начинали в 1990-х годах.

При всем нынешнем сходстве ведущих курдских партий — Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК), которые воспринимаются как партии с харизматическими лидерами [Hama, Abdullah, 2020, p. 4], они принципиально различны по типу партийного строительства. Различие в природе этих партий заключается в изначально разных способах соединения их руководящей верхушки с партийной массой.

Мулла Мустафа Барзани (1903–1979) заложил основы современной политической системы Курдистана. Он отказался от соблазна стать одним из лидеров иракской революции, вместо этого сосредоточив свои усилия на защите собственного племени — барзани, опираясь на традиционную племенную солидарность. В интересах вооруженной борьбы с националистическим правительством

в Багдаде он преобразовал ДПК на традиционалистских или даже трайбалистских началах⁴. Но это позволило ему мобилизовать население и отстоять самостоятельность курдских районов в ходе сентябрьского восстания (1961–1975). Он положил в основу работы ДПК не идеологические постулаты, а традиционные отношения вождя и его соплеменников. Ни Мустафа Барзани, ни сменивший его сын, Масуд Барзани (1946 г. рождения), не подчеркивали свою принадлежность к династии шейхов, но они полностью разделяли традиционные ценности этого социального слоя и были нацелены на сохранение «старого порядка» (*фр.* Ancien régime). Успех ДПК — сохранение самостоятельности Курдистана — в значительной степени был обусловлен племенной солидарностью курдов, хотя и роль самого Мустафы Барзани, и его наследников трудно переоценить.

В отличие от них представители семейства Ахмед — Талабани, возглавляющие сейчас ПСК, пришли в политику как разночинные интеллигенты, отказавшиеся от «сословных предрассудков». Они стремились использовать революционную ситуацию в Ираке, чтобы кардинально преобразовать общества в Ираке и в Иракском Курдистане. Лидеры ПСК проявили волю, энергию и политическую изворотливость, во многом обусловленную накопленным в поколениях социальным капиталом, а Джаляль Талабани (1933–2017) явно обладал выдающейся харизмой. Это позволило этой группе, в конечном итоге связанной прежде всего семейными узами, создать сильную политическую партию. Руководство ПСК, безусловно, способствовало преобразованиям в Курдистане и в Ираке, а также смогло добиться для себя элитарного статуса и занять высокие позиции не только в Иракском Курдистане, но и в Ираке.

Несмотря на смену поколений, обе ППГ смогли сохранить внутреннее единство и руководство партиями, поскольку они управляющим ядром своих партий сделали семейные структуры, позволяющее их членам на постоянной основе занимать руководящие позиции в своих партиях, в Иракском Курдистане и в Ираке.

Обе нынешние партии появились в результате раскола ДПК, которая была создана в 1946 г. Раскол был неизбежен, настолько разнородными были объединившиеся силы: «Сулейманийский комитет Демократической партии Ирана», группа левых взглядов «Рызгари» («Освобождение») и коммунистическая группа «Шорш» («Революция»). Несмотря на то, что Мустафу Барзани избрали председателем партии, он реально смог вернуться к политической деятельности в Ираке только после возвращения из СССР, куда был вынужден уйти со своим отрядом после поражения Мехабадского восстания в 1947 г. В период с 1946 по 1961 г. ведущую роль в ДПК играла не племенная знать, а курдская революционная интеллигенция, чьим лидером был литератор Ахмед Ибрагим (1914–2000), с 1951 г. возглавлявший политбюро ДПК. В национальном вопросе эта группа делала ставку на единство разных по национальности сил в борьбе за независимость Ирака, рассчитывая на равенство курдов и арабов в демократической республике. Это было естественно: перспективы прогрессивного развития самого Курдистана отдельно от Ирака или от Ирана не просматривались, поскольку большая часть этого региона была заброшенным патриархальным захолустьем. Эти романтические взгляды городской курдской интеллигенции можно сравнить с нараставшим панарабизмом арабских националистических элит, стремившихся создать единое арабское государство или, как минимум, абсолютно доминировать на пространстве Ближнего Востока, не допуская появления там никакой другой, инородной государственности.

После революции 1958 г. ситуация в Ираке стала быстро меняться, резко обострились социальные и межэтнические противоречия. В начале 1960-х годов потребовалась консолидация

⁴ По мнению Дж. Талабани, «именно когда мулла Мустафа Барзани взял на себя руководство ДПК, трайбализм возродился и приобрел влияние в курдском националистическом движении. Это все еще существует в рамках движения в Иракском Курдистане» [Sheikhmous, 2016, p. 11].

курдских политических сил, которой нельзя было добиться на размытой идеологической основе. В этой ситуации сработал инстинкт Мустафы Барзани, который, отказавшись от разного рода идеологических догм, сделал ставку на племенную солидарность курдов. Племенная верхушка, наиболее ярким представителем которой был М. Барзани, и левая интеллигенция, которую представлял Ахмед Ибрагим, имели почти антагонистические интересы, но, столкнувшись с агрессивным давлением арабского национализма, они были вынуждены искать варианты взаимодействия. То, что М. Барзани возглавил сентябрьское восстание (1961–1975), а группа Ахмеда Ибрагима подчинилась его руководству, было формой компромисса между разнородными курдскими политическими силами. Это было вынужденное сосуществование, столь привычное для этого лимитрофного региона [Макаренко, 2022].

В 1964 г. ДПК раскололась, поскольку слишком разными были цели обеих групп, которые возглавляли прирожденные лидеры. Непосредственным поводом для раскола было то, что Мустафа Барзани без согласования с политбюро ДПК подписал перемирие с Саддамом Хусейном. С точки зрения Барзани оно было насущно необходимо, поскольку восстание исчерпало свои силы, группа Ахмеда — Талабани видела в этом прекращение революционной борьбы с националистическим режимом в Ираке и, по сути, крах своих надежд на перемены в стране. Барзани был готов договориться о мире с Багдадом на условиях получения курдами автономии, Талабани был заинтересован в продолжении революционной борьбы. Мустафа Барзани не был ни революционером, ни националистом. Он был защитником курдской традиционной идентичности, которой свойственен племенной полицентризм даже в рамках курдского региона, не говоря уже об Ираке в целом, поэтому он выступал за сохранение привычного образа правления, зафиксированного в исламе и в культурном (родоплеменном) коде.

В 1975 г. курдское восстание потерпело окончательное поражение, поскольку курды потеряли внешнюю поддержку: ни шахский Иран, ни США в сложившейся ситуации не видели перспективы в поддержке Мустафы Барзани, а собственные силы курдов уже не могли тягаться с современной армией саддамовского режима. Это привело к окончательному расколу ДПК. После 1975 г. ДПК полностью перешла под контроль семейства Барзани, а Талабани и Ахмед Ибрагим сформировали новую партию — ПСК, которая продолжила буржуазно-либеральную линию группы Ахмеда. Если ДПК сосредоточилась на курдских проблемах, то ПСК продолжила поиск места на иракской политической сцене. В 1990–1992 гг. Ахмед Ибрагим и Джаляль Талабани поддерживали создание Иракского национального конгресса (ИНК), вице-президентом которого стал зять Ахмеда и свояк Талабани — Абдул Латиф Рашид (1944 г. р.). Это направление сработало в 1992 г., когда западные страны ввели беспилотную зону над Курдистаном, в 2003 г., когда курды стали союзниками американской коалиции, вторгнувшейся в Ирак для свержения режима С. Хусейна, и в 2022 г., когда Абдул Латиф Рашид был избран президентом Ирака, обойдя благодаря поддержке шиитских арабских партий Бархама Салеха, кандидата от ПСК, но выступавшего за отказ от семейственности в партийной жизни. Особенно важной для семейства Ахмед — Талабани в 2022 г. была поддержка Нури эль-Малики, лидера партии Даава, сотрудничавшего с Джалялем Талабани еще с 1980-х годов. Кроме того, Абдула Латиф начиная с 2003 г. сам активно работал в правительстве Ирака с теми шиитскими и суннитскими силами, которые на первое место ставили политические вопросы Ирака в целом, а не свою этническую идентичность. По сути он продолжил прогрессистскую линию Ахмеда Ибрагима, намеченную еще 1940-х годах.

В этом направлении в 1990-е и особенно в 2000-е годы особенно активно работал лидер группы Дж. Талабани, одна из самых влиятельных политических фигур Ирака в период после 2003 г. В отличие от семейства Барзани он видел перспективу для себя лично и для своей партии в активном

участии в строительстве централизованной власти в Ираке. ПСК — это партия, ориентированная на активность в Ираке в целом, тогда как ДПК остается локальной, чисто курдской партией, что ярко проявилось в ходе кризиса 2017 г., которого Эрбиль избежал бы, будь жив Дж. Талабани.

Тем не менее в 1990-е годы, когда перспективы ситуации в Ираке были неясны, Талабани пошел на вооруженный конфликт с ДПК, чтобы ПСК смог обрести собственную территориально-ресурсную базу в провинции Сулеймания, в которой семейство Ахмед — Талабани обеспечило себе прочные олигархические позиции. Это изменило природу партии, сделав ее социально-территориальным образованием. Благодаря этому ПСК уверенно занимает ведущее место в политической жизни Южного Курдистана и Ирака в целом. Дж. Талабани много сделал для модернизации Ирака и Курдистана, но, зная характер иракского общества, сохранил за своей семьей полный контроль над ПСК, сделав партию практически семейным предприятием, а провинцию Сулеймания — своей вотчиной. В отличие от ДПК, где позиции семейства Барзани практически никто не оспаривал, в ПСК долгое время шла внутренняя борьба: ведущие члены в руководстве партии до ухода Дж. Талабани надеялись, что партия останется свободной ассоциацией, а не превратится в частное дело клана Ахмед — Талабани. Талабани не передал никому из них контроль над партией, он остался в семье основателя партии.

После смерти Дж. Талабани семейство Ахмед — Талабани сумело сохранить власть в своих руках. Его супруга Херо Ибрагим Ахмед де-факто возглавила ПСК. В 2021 г. ПСК преодолел еще один, на этот раз внутрисемейный кризис, устранив конкуренцию со стороны племянника Джаляля Талабани — Лахура Шейха Джанги Талабани (1975 г. рождения), который начал подминать под себя силовые структуры и стал сопредседателем ПСК наряду с Бавелом Талабани, явно затмевая политическим напором своего двоюродного брата. Его возвышение стало угрозой внутреннему единству клана Ахмед — Талабани и потребовало усиления и без того принципиальной для ПСК связи семейств Талабани и Ахмед, чтобы устоять во внутренней схватке за власть в ПСК и в Сулеймании. Сейчас полномочия в ПСК в связи с тяжелой болезнью Херо Ибрагим перешли к ее сестре — Шаназ Ибрагим Ахмед (1954 г. рождения). Показателем сохранения влияния династии Талабани — Ахмед стало избрание на пост президента Ирака мужа Шаназ Ахмед — Абдула Латиф Рашида. Клан Ахмед — Талабани, помимо политических позиций, опирается на значительные финансовые и земельные ресурсы и имеет хорошие позиции в бизнесе, что позволяют ему крепко держать власть в Сулеймании и быть влиятельным игроком в Иракском Курдистане и в Ираке в целом.

Парадоксальным образом в Иракском Курдистане семейные династии контролируют не только ДПК и ПСК, но все сколько-либо влиятельные партии в регионе независимо от заявляемой ими идеологической ориентации. Скорее всего, это отражает особенности структурирования общества, где сильны родоплеменные или клановые традиции. В руках семей аккумулируются организационные и финансовые ресурсы, которые необходимы для участия в политической жизни. Появление массовой партии, построенной по принципу свободной политической ассоциации, в Иракском Курдистане пока маловероятно (см.: [Nana, Abdullah, 2020, p. 16]). Это отражает глубокую разделенность курдского общества, которую исследователи считают причиной срыва попыток его демократизации [Львов, 1997, с. 211]. Однако если отбросить европоцентричные политические и идеологические догмы, которые блокируют понимание путей государственного строительства в странах Ближнего Востока, то нынешнюю политическую систему власти в Иракском Курдистане, на наш взгляд, следует признать демократией, т. е. обществом, в котором жизнь регулируется законами и правом, а политические лидеры нуждаются в ясно выраженной электоральной поддержке народа. Только в отличие от западных стран, где демократия поддерживается разделением властей, в Иракском Курдистане она строится на балансе сил между ведущими партиями региона, т. е. на системе взаимных

сдержек и противовесов, выстраиваемых между социально-территориальными общностями, какими являются эти партии. Равные, не допускающие доминирования какой-либо из сторон отношения между субрегионами Иракского Курдистана образуют базовый уровень общественных отношений, который определяет условия функционирования политической системы региона как консоциального образования по сути федеративного типа. Такой тип отношений между ДПК и ПСК обусловлен тем, что они исторически существуют в единой геосоциальной нише, которую невозможно разделить на самостоятельные части, и поэтому вынуждены взаимодействовать между собой.

Заключение

В силу доминирования представлений о либеральной демократии западных стран, где политические системы определяются абсолютным доминированием какого-либо одного универсального принципа на всем политическом пространстве, отношения между курдскими партиями воспринимаются как незавершенные, переходные к либерально-демократическому состоянию, тогда как именно на основе подобного взаимодействия субрегиональных партикуляристских общностей в Иракском Курдистане, представляющих собой единство и борьбу противоположностей, в ходе повседневного решения проблем региона нарабатывается новая культура политических отношений, т. е. возникает зрелая, но при этом не моноцентричная, не универсалистская политическая система. Внутри этих социально-территориальных структур (субрегионов) связь власти с населением обеспечивается родоплеменной солидарностью в случае с ДПК, а в случае с ПСК — более сложным — олигархическим — механизмом поддержания влияния мощного семейства Ахмед — Талабани в провинции Сулеймания, но следующим шагом может стать последовательный перенос демократических принципов правового равенства во взаимодействии субрегионов на отношения между их гражданами.

Парадокс восприятия ситуации, складывающейся в Иракском Курдистане, состоит в том, что считается, что в обществах, проходящих фазу модернизации, любые узы, идущие от прошлого, должны быть разрушены. Исходя из этих либеральных установок, особенности политической системы Иракского Курдистана оцениваются как отсталые. Причина этого предубеждения в том, что буржуазная революция долгое время считалась первопричиной британского и вообще буржуазного успеха [Барг, 1991, с. 6]. Смысл революций видели в отстранении от власти феодальных слоев. Отсюда шло негативное отношение к любым «пережиткам феодализма», с которыми связывали все сбой и задержки в социально-экономическом развитии стран бывшей колониальной и полуколониальной периферии.

Умозрительно можно полагать, что введение либеральных порядков и ожидаемая в связи с этим регулярная смена руководства ускорили бы развитие Курдистана, но с гораздо большей вероятностью переход к либеральной или, наоборот, к централизованной (моноцентричной) авторитарной политической системе будет чреват для региона большими проблемами. Скорее всего, такой переход породит хаос. Даже оставляя в стороне реакцию нынешних правящих кланов, насчитывающих десятки тысяч человек, занимающих ключевые должности в Иракском Курдистане, есть основания считать, что переход к конкурентной политической системе существенно ухудшил бы ситуацию в регионе, политизировав ее и сделав ее намного более волатильной, поскольку в этом случае базой мобилизации электоральной поддержки для любой партии на выборах будет либо идеология, либо популизм. В любом случае это означало бы обострение политической борьбы, эскалацию напряженности, что в условиях политической зависимости и относительной слабости курдского региона Ирака было бы смертельно опасно для него.

В складывании нынешней политической структуры проявилась партикуляристская культура отношений, традиционная для курдского этноса, который является одним из глубоко расколотых образований. Но это не указывает на кризисное состояние этноса, а подчеркивает его особенность — способность столетиями сохранять сложную внутреннюю структуру, несмотря на ожесточенную конкуренцию с соседними этносами унитарного типа. Такая структура отношений считается архаичной и не соответствует либеральным представлениям об организации современного общества, но эта сегментированная структура общества обеспечила курдскому этносу возможность выживания в Ираке и в непростых отношениях с соседними государствами, о которой вряд ли можно было мечтать, если бы отношения строились на основе свободного выбора политических индивидуумов (граждан), объединяющихся в конкурирующие между собой политические партии и добивающиеся политического доминирования в стране (регионе), что не обходится без политики и секьюритизации многих относительно простых для традиционного общества вопросов.

Литература/ References

Алексеев И. Л., Сырейщикова А. А. Ибн Халдуна в современной историографии. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2009. № 13. С. 195–218 [Aleksseev I. L., Syreyshchikova A. A. Ibn Khaldun in modern historiography. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies*. 2009. No. 13. Pp. 195–218 (in Russian)].

Барг М. А. *Английская революция в портретах ее деятелей*. М., 1991. С. 397 [Barg M. A. *The English Revolution in the portraits of its actors*. М., 1991. Pp. 397 (in Russian)].

Львов В. В. Ирак: реалии власти и санкции. *Ближний Восток и современность*. 1997. Вып. 4. С. 210–233 [Lvov V. V. Iraq: the realities of power and sanctions. *The Middle East and Modernity*. 1997. Issue 4. Pp. 210–233 (in Russian)].

Макаренко В. В. Курдско-пуштунские параллели как отражение лимитрофной природы курдского и пуштунского миров. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3. С. 153–167 [Makarenko V. V. Kurdish-Pashtun parallels as a reflection of the limitrophic nature of the Kursk and Pashtun worlds. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 3. Pp. 153–167 (in Russian)].

Маркс К. К еврейскому вопросу. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.*, 2-е изд., 1955, т. 1. С. 382–413 [Marx K. Towards the Jewish question. Marx K., Engels F. *Collected Works*, 2nd ed., 1955, vol. 1. Pp. 382–413 (in Russian)].

Парсонс Т. *Система современных обществ*. М., 1998 [Parsons T. *The system of modern societies*. М., 1998 (in Russian)].

Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама. *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2017. Т. 13. № 2. С. 139–152 [Khairullin T. R., Korotaev A. V. The 2005 Constitution of Iraq and the principles of Islam. *Islam in the modern world: domestic and international political aspects*. 2017. Vol. 13. No. 2. Pp. 139–152 (in Russian)].

Нама Н. Н., Abdullah F. H. Political Parties and the Political System in Iraqi Kurdistan. *Journal of Asian and African Studies*. July 2020. Pp. 1–20.

Sheikhmous O. The Concept of Nation and the Nation-State. *The Thought and Writings of Mam Jalal Talabani On the Kurds. Paper prepared for University of Sulaimani International Conference on Identity and Independence of Nations*. 2016. 15–16 May.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Iraqi Constitution. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005. *www. Constituteproject.org*. (дата обращения: 15.03.2024).